

ИТОГИ ГОДА

В декабре мы обратились к экспертам с просьбой оценить уходящий 2012 год с точки зрения наиболее интересных правовых событий. Какое событие в 2012 году наиболее существенно повлияло на изменение правового поля в России и в мире и почему? Какое событие правовой жизни в уходящем году является наиболее значительным?

Леонид Головки,

и.о. заведующего кафедрой
уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора
юридического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, доктор
юридических наук, профессор

— Если говорить о событии, в наибольшей степени влияющем на изменение правового поля в России и в мире, глобальным видится принятие в США Закона о так называемом списке Магнитского. С точки зрения влияния на общее правовое поле я бы поставил это событие в один ряд с созданием в свое время Европейского суда по правам человека, разумеется, с той лишь весьма существенной разницей, что в одном случае речь идет о несомненно позитивном влиянии (Европейский суд), а в другом — о влиянии столь же негативном (Закон о «списке»). В самом общем виде можно сказать, что доктрина прав человека, более полувека развивавшаяся в правовой плоскости, теперь ее покидает и переходит в плоскость сугубо политическую, приводя к появлению очередной в мировой истории версии «политической юстиции» (на этот раз *made in USA*), лишенной каких-либо правовых гарантий.

Что, собственно, произошло? До 2012 г. в приличном обществе считалось, что любые обвинения в совершении каких-либо деяний, караемых публично-правовой санкцией в виде ограничения фундаментальных прав (право на лич-

ную свободу, право на собственность, право на свободу передвижения и т.п.), предполагают обязательное выдвигание конкретного обвинения, его направление в суд, доказывание в суде с предоставлением обвиняемому всех возможностей знать, в чем он обвиняется, представлять доказательства в свою защиту, пользоваться помощью профессиональных защитников. В результате независимый суд должен был рассмотреть дело и вынести по нему соответствующее решение, одним из вариантов которого является обвинительный приговор с возложением разнообразных санкций в виде, например, лишения свободы, изъятия собственности, запрета «въезда» или «выезда» и т.п.

Теперь этого не требуется. Достаточно разработать специальный закон об объявлении виновным, обсудить и согласовать его в рамках политических процедур, принять и начать спокойное исполнение данного, если можно так выразиться, политического приговора. Признание конкретного лица виновным в неустановленной, а также никем и нигде не доказанной причастности к неким злодеяниям на основании специального закона — в истории права механизм беспрецедентный, по крайней мере в истории права, по выражению Ф.Ф. Мартенса, «цивилизованных народов».

Известен и контрдовод. Дескать, ничего страшного не произошло, речь идет не об изменении правовой политики или пренебрежении фундаментальными правовыми ценностями, а всего лишь о бессилии перед нежеланием российских властей надлежащим образом расследовать обстоятельства смерти С. Магнитского. Если бы не циничное бездействие правоохранительной системы России, не было бы и закона о «списке». Но довольноно.

Никоим образом не пытаюсь выгородить российские власти и допуская необходимость жесткого реагирования на их бездействие, задаюсь вопросом: почему реакция должна иметь столь антиправовую форму? Одним из важнейших элементов истории «списка» являются непроцессуальные (медийные) обвинения конкретных российских чиновников и сотрудников правоохранительных органов в коррупции, хищениях, переводе денег на Запад, в том числе в США, покупке там недвижимости и т.п., отчего и пострадал С. Магнитский, пытавшийся раскрыть преступные схемы. Допустим.

Насколько известно, коррупция, отмывание преступных денег и др. в США уголовно наказуемы. Кто мешал начать официальное уголовное расследование по соответствующим фактам, собрать конкретные доказательства и выдвинуть конкретные обвинения, обратиться за правовой помощью, объявить соответствующих лиц в международный розыск и т.д.? Россия бы не выдала? Но неужели непонятно, что объявление конкретного лица в международный розыск на основании конкретных обвинений остается в правовом поле, тогда как помещение лица в политический список невыездных без конкретных обвинений находится вне правового поля, хотя последствия в первом случае даже более жесткие, чем во втором? Так в чем же дело?

Здесь возможно только два варианта: либо США имеют информацию о совершении преступлений, но не желают по каким-то причинам ее процессуально расследовать, предпочитая действовать политическими методами, либо по-

добная информация является... блефом, т.е. расследовать здесь нечего. Но каковы тогда основания составления «списка Магнитского»?

Что произойдет далее? Скорее всего, дурной пример окажется заразителен, и количество «списков» будет расти со скоростью снежного кома. В Абхазии и Грузии появятся свои «списки», в Венесуэле и Колумбии — свои, в Узбекистане и Киргизии — свои и т.д. Вскоре возникнет необходимость научного объяснения и преподавания новой отрасли права — «списочного права», с собственными основаниями и условиями, предметом и методом, коллизийными нормами, процедурами, не говоря уже о появлении теории «списочной ответственности» как ответственности *sui generis* и ее сравнительно-правового изучения.

Если рассуждать без печальной иронии, в этом смысле решение российских властей составить свои «списки» является по-человечески понятным, но юридически не слишком мудрым. Зачем подражать методам политической юстиции? Конструктивнее и эффективнее возглавить список борцов с нею, приняв что-то вроде закона «О юридической помощи жертвам политических обвинений», обеспечивающий финансирование и техническое содействие тем лицам, которые попали в соответствующий список, уверены в неправомерном ущемлении своих прав и готовы отстаивать их во всех уголках земного шара исключительно правовыми методами. Сами они с этим справиться не в состоянии, нужна помощь на государственном уровне.

Более того, с точки зрения оптимизации правового поля было бы очень интересно узнать мнение о внесудебных политических ограничениях прав Верховного суда США, Европейского суда по правам человека или Комитета по правам человека ООН. К слову, если Евросоюз последует примеру США, будет ли это значить, что фигурантам «списков» физически ограничат доступ, например, в Страсбург? Думается, что это один из немногих и не самых сложных вопросов, на которые предстоит дать ответ в новом правовом поле, созданном после принятия в США Закона о «списке Магнитского».

Александр Боннер,

профессор кафедры гражданского процесса МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук

— Самое жуткое впечатление на меня произвела серия скандалов, связанных со злоупотреблениями высокопоставленных российских чиновников. Впрочем, на правовом поле в России и в мире это никак не отразится.

Наиболее знаковым событием правовой жизни в уходящем году считаю процесс и приговор по делу *Pussy Riot*, расколовшие российское общество.

Генри Резник,

президент Адвокатской палаты
г. Москвы, кандидат юридических
наук, заслуженный юрист РФ

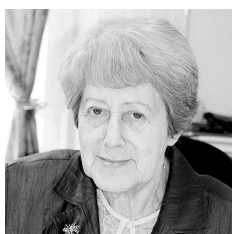
— Если говорить о наиболее резонансных событиях, я бы выделил два дела, которые были в центре общественного внимания в этом году. Эти конкретные дела подтвердили, что наш суд еще очень слаб, он легко идет на поводу то властных структур, то общественного мнения. Одно дело закончилось неправосудным приговором, второе — правосудным. Я, конечно же, имею в виду дела *Pussy Riot* и Расула Мирзаева.

Дело *Pussy Riot*, я неоднократно об этом говорил, совершенно возмутительно, потому что в действиях этих девушек не было состава уголовно наказуемого деяния. Хотя, безусловно, этот поступок осуждаем как с точки зрения морали, так и с точки зрения права. Но это был состав административного правонарушения, выражающегося в оскорблении чувств верующих и осквернении мест проведения религиозного культа. Никакого разжигания религиозной ненависти в нем не было. В какой-то момент в стане защиты появилось яблоко раздора, в результате чего в обществе возникла мысль, что виновники того, что две девушки оказались в местах лишения свободы, их адвокаты. По этическим соображениям я не буду судить о качестве защиты, но даже вне зависимости от этого непонятно, каким образом адвокаты могут быть повинны в вынесении неправосудного приговора.

И наконец, дело Мирзаева. Оно закончилось безальтернативным приговором. Дело было простейшее, каждый день в стране рассматриваются подобные дела о мордобое. Однако по нему было проведено, если не ошибаюсь, аж пять независимых экспертиз, хотя достаточно было одной. Экспертиза неопровержимо установила, что нанесенный Мирзаевым удар не причинил телесных повреждений потерпевшему. Смерть наступила вследствие неудачного падения на асфальт. Это классический пример причинения смерти по неосторожности, который описан во всех учебниках по уголовному праву. Однако когда начала разыгрываться национальная карта, простейшее дело превратилось в центр бушующих общественных страстей. Три экспертизы было проведено на предварительном следствии, и когда прокурор в суде заявляет о необходимости вынесения обвинительного приговора по неосторожному причинению смерти, суд сам по своей инициативе назначает четвертую, а затем и пятую экспертизу, причем ставит вопросы, которые выходят за пределы компетенции экспертов. А потом, вынеся приговор, суд устраивает пресс-конференцию, на которой объясняет, почему он вынес такое решение. Вообще для судьи абсолютно недопустимо комментировать причины и мотивы вынесения того или иного решения, потому что все они должны быть видны в тексте постановления суда. Здесь судья как будто извинялся, говоря, что при такой позиции прокуратуры, которая смягчила обвинение, он не мог вынести другой приговор. В итоге общество, не отягощенное правовыми познаниями, теперь считает, что дело загублено прокуратурой и это подвигло судью вынести неправосудное решение. Хотя, еще раз повторяю, решение по этому делу было не просто правосудным, но единственно возможным.

Гадис Гаджиев,

судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ

Тамара Абова,

заведующая сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ

— Наиболее важным событием в правовой жизни России я считаю пробуждение прецедентной революции, которая началась у нас в середине 1990-х гг. с возникновением правовых позиций КС РФ и сейчас получила значительное развитие с появлением правовых позиций Президиума ВАС РФ. Процесс оказался болезненным и непростым. Но, несмотря на это, он свидетельствует о возрастании значения судебной власти в жизни общества.

На мировую правовую жизнь самое значительное влияние по-прежнему оказывает Интернет. Столкновение правовой реальности с виртуальной является самым серьезным и сложным вызовом для сложившегося в течение тысячелетий юридического концепта действительности.

— По первому вопросу я с позиций цивилиста и процессуалиста (гражданского) событий, повлиявших именно на изменение правового поля в стране в 2012 г., пока не вижу. События, конечно, были. Например, отмена, наконец, конгрессом США поправки Джексона — Вэника к Закону о торговле США. Если в планы страны входит расширение коммерческих связей с американским бизнесом и, соответственно, возможное увеличение инвестиций в нашу экономику, отмена поправки — событие серьезное. Но экономисты говорят, что эта поправка — давно уже рудимент.

По второму вопросу среди событий уходящего года к наиболее знаковым, по моему мнению, относится начавшееся в Государственной Думе обсуждение во втором чтении проекта Закона о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ и другие законодательные акты. Правда, не в целом, а по частям. Но это уже означает, что лед тронулся. Хотя будет ли измененный ГК радостно принят юридической общественностью — неизвестно, поскольку слишком накалены были страсти при работе над проектом, высказывались диаметрально противоположные позиции. Компромисс в законотворчестве не лучшее средство для регулирования общественных отношений. Но подождем. Пусть выйдет хотя бы первый закон об изменении ограниченного количества статей, тогда и начнем делать выводы.

К знаковым событиям я бы отнесла 80-летие Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ. Не подумайте, что я называю это событие знаковым потому, что много лет являюсь арбитром МКАС. Нет. Для меня важно, что МКАС, по существу, продолжает (конечно, на иной, сложившейся в мире, основе) дело ВТАК при ТПП СССР, которая вместе с МАК при ТПП СССР была в какой-то мере пусть маленьким, но все же окном в железном занавесе.

Ныне МКАС — признанная и в стране, и за ее пределами альтернативная форма урегулирования гражданско-правовых (экономических) споров между самыми разнообразными организациями и индивидуальными предпринимателями из различных стран. Через МКАС реализуется и принцип свободы выбора формы разрешения споров (государственной или негосударственной), и принцип свободы договора, и много еще другого, что относится к свободному

волеизъявлению личности. МКАС (так же, как МАК) — одно из составляющих демократического поля страны. Я не идеализирую МКАС. Как и в иных правовых институтах, в деятельности МКАС есть недостатки. Но 80-летие — это праздник, и я отношу его к знаковым событиям.

Второе локальное событие — это состоявшаяся 18—21 сентября 2012 г. в Москве Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права «Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст». Впервые в Москве собрались процессуалисты со всех частей света: Европы, Америки, Азии, Австралии, Африки. Было заслушано много интересных докладов, получено много разнообразной информации о судебных системах и судопроизводстве во множестве государств. Конечно, это знаковое событие.

Александр Хренов,

адвокат, партнер Юридической компании «Хренов и Партнеры», председатель Комиссии по правам человека Ассоциации юристов России

— На мой взгляд, наиболее знаковым событием 2012 г. для российского юридического сообщества является продолжающаяся реформа гражданского законодательства РФ. Ожидается, что проект поправок к Гражданскому кодексу будет рассмотрен Госдумой в декабре текущего года. Работа над данным проектом велась на протяжении достаточно длительного времени, причем именно в текущем году к обсуждению поправок активно присоединилось бизнес-сообщество.

Ни для кого не секрет, что новая редакция ГК в случае принятия будет иметь далеко идущие последствия не только для российского бизнеса, но и для международных игроков, заинтересованных в инвестировании в экономику РФ. Собственно, одной из основных целей идеологов реформы и является приближение российских правовых реалий к международным стандартам.

Также нельзя не отметить внутренние процессы, связанные со вступлением России в ВТО. Очевидно, что потребуется не один год для того, чтобы отечественная правовая система смогла адаптироваться к изменившимся внешним условиям, в том числе в связи с объективной необходимостью защиты отечественного производителя и наличием уже существующих разногласий между РФ и Евросоюзом относительно допустимости ряда протекционных мер.

Несомненно и то, что к событиям, оказавшим в 2012 г. влияние на правовое поле, относятся изменения законодательства, регулирующего публичные политические отношения (закон о митингах, прямое избрание губернаторов, введение единого дня голосования).

Если вспоминать наиболее резонансные дела 2012 г., нельзя не упомянуть о процессе по делу *Pussy Riot*, а также начало расследования уголовного дела в рамках деятельности ОАО «Оборонсервис». Указанные дела широко освещались в СМИ, по ним высказывали и продолжают высказывать мнения представители всех социальных слоев России.

В целом 2012 г. был богат на события в политико-правовой и экономико-правовой сферах, и я предполагаю, что грядущий 2013 г. станет интересным и насыщенным продолжением уходящего года.

Всех читателей журнала «Закон» поздравляю с наступающими новогодними праздниками и желаю всего наилучшего в году грядущем!

Артем Карапетов,

научный руководитель
Юридического института
«М-Логос», доктор юридических
наук

— На мой взгляд, в сфере частного права наибольший интерес представляли, во-первых, баталии вокруг принятия новой редакции ГК РФ.

Разработка проекта новой редакции Кодекса спровоцировала множество споров по вопросам, которые ранее даже не обсуждались. Безотносительно того, будет ли реформа завершена в следующем году или нет и насколько оптимальные решения предложены в проекте, сами эти дискуссии можно признать полезными для развития права. Вполне можно ожидать, что некоторые идеи, обсуждавшиеся в рамках этого процесса, будут реализованы и в рамках судебного правотворчества. Более того, тем, кто следит за практикой ВАС РФ, очевидно, что именно это и происходит в последние два года.

Во-вторых, следует отметить расширение и интенсификацию судебного правотворчества ВАС РФ. Данную тенденцию юристы оценивают по-разному. Я лично ее активно поддерживаю, так как считаю, что в настоящих институциональных условиях именно ВАС РФ является локомотивом развития российского права. А нашему достаточно архаичному, отставшему от европейских стандартов примерно лет на сто частному праву такой локомотив более чем нужен. За этот год Судом было сделано немало на ниве формирования более совершенной, справедливой и эффективной регулятивной среды для ведения предпринимательской деятельности. Хотя, конечно, встречаются и серьезные просчеты или решения, с которыми трудно согласиться. Тем не менее в целом в этом году ВАС РФ был на высоте и давал немало поводов полагать, что в нашем частном праве происходят хотя бы какие-то позитивные изменения.

Особо хочу выделить озвученную совсем недавно идею начать подготовку постановления Пленума ВАС РФ об *astreinte* (особом штрафе за неисполнение судебного решения о принуждении ответчика к совершению определенных действий, взыскиваемом судом за каждый день неисполнения решения и идущем в доход истца). Если эта идея будет реализована и решен ряд технических и сущностных вопросов (например, о критериях определения размера такого штрафа), можно будет рассчитывать на некоторое повышение исполнимости многих судебных решений, что крайне важно с точки зрения формирования уважения к решению суда как таковому.

Юлий Тай,

управляющий партнер
адвокатского бюро «Бартолиус»,
кандидат юридических наук

— Из всех правовых событий 2012 г. мне хотелось бы выделить несколько, причем из разных областей.

Первое событие — судоустройственное, а именно появление в России первого специализированного суда — Суда по интеллектуальным правам. Я уже не раз отмечал, что не уверен, что с этого вида специализированного суда надо было начинать реформирование, поскольку существуют области, в которых необходимость создания специализированных судов ощущается намного острее: нужны административные, налоговые, банкротные, антимонопольные суды. Но, с другой стороны, главное начать процесс, а там, быть может, придет время и других спецсудов. Тот факт, что возглавит суд уважаемый цивилист, опытный судья доктор юридических наук Л.А. Новосёлова, также считаю знаковым и обнадеживающим событием.

Второе событие является очень многоэпизодным, составным и процессуальным, но от того ничуть не менее значимым — появление около 10 эпохальных прецедентных Постановлений Президиума ВАС РФ по вопросам доказывания (перераспределение бремени доказывания; понижение стандарта доказывания; неформального, а сущностного подхода к исследованию доказательств; переворачивание доказательственных презумпций в связи со злоупотреблением одной из сторон; снятие корпоративной вуали и даже применение такого процессуального института, как эстоппель). Безусловно, практику в данной сфере необходимо развивать на местах и научиться правильно и к месту применять позиции ВАС, на это могут уйти годы, но важна тенденция. ВАС РФ дал профессиональным представителям и судам новый инструментарий, наша задача — не извратить и не дискредитировать его практикой применения в судах первой инстанции.

Говоря об антиуспехах российского законодательства, можно лишь присудить две «законодательные калоши»:

- 1) за непринятие столь широко обсуждаемого и ожидаемого юридической общественностью и рядовыми гражданами законопроекта о внесении изменений в ГК РФ;
- 2) за принятие и просто обсуждение совершенно необъяснимых, никому не нужных, исключительно популистских законопроектов, которые ничего не изменят в нашей жизни. Сюрреалистичность обсуждаемых законопроектов порой наводит на мысль о том, что в рядах законодателей затаился персонаж Салтыкова-Щедрина Беневольский.

Второй очевидный тренд государственного регулирования базируется на фразах другого щедринского персонажа — Органчика: «Разорю!» и «Не потерплю!». Количество запретительно-репрессивных норм зашкаливает. Впишите в любом поисковике фразу «Госдума ограничила» или «Госдума запретила», и вы поймете масштаб бедствия.

Подводя итоги 2012 г., хочу напомнить коллегам, что, несмотря на вышесказанное, вера, надежда и любовь всё также присутствуют на территории нашей страны. Спешите видеть! С Новым годом!

Вадим Белов,

профессор кафедры
коммерческого права МГУ
им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

— Насчет мира не скажу — не знаю, а что касается России, здесь, как мне кажется, ничего особо не изменилось. Правовое поле России продолжает развиваться в соответствии с наметившимися вот уже более десяти лет назад тенденциями. Может быть, следовало отметить состоявшееся, наконец, вступление России в ВТО и отказ России от участия в следующем этапе реализации Киотского протокола. Но в действительности и эти два изменения имеют больше номинальный, чем содержательный характер. Дело в том, что все ключевые принципы соглашений ВТО уже давно исполняются Россией, а механизмы Киотского протокола, напротив, практически не работали даже тогда, когда Россия в нем участвовала. Речь идет, стало быть, не о новых трендах, а об оформлении трендов старых, уже существующих.

В правовой жизни из наиболее знаковых я бы назвал два события.

Первое — выступление Председателя ВАС РФ А.А. Иванова на Международном юридическом форуме в мае этого года с докладом на тему пресечения недобросовестной конкуренции иностранных правовых и судебных систем. Нельзя, конечно, не согласиться с тем, что принятие иностранным судом под свою юрисдикцию спора, вытекающего из деятельности сторон на территории России и не имеющего никакой связи с соответствующим иностранным правопорядком, является посягательством на российский суверенитет — посягательством, которое ничем не может быть ни объяснено, ни оправдано. Но в то же время очевидно, что предложенные выступавшим способы борьбы с этим явлением — взять всё и запретить! — для России хотя и привычные, но вряд ли окажутся результативными. Ведь всем прекрасно известны те причины, которые заставляют наших предпринимателей и даже обыкновенных граждан уходить в иностранную юрисдикцию. Главная из них — сомнения в справедливости и эффективности юрисдикции отечественной; обоснованные или нет — это другой вопрос. Главное не их обоснованность, а то, что сомнения есть и имеют, увы, широчайшее распространение. Да, конечно, «держать и не пущать» гораздо проще, чем эти сомнения развеять и выпестовать доверие к собственной правовой и судебной системе.

Нельзя не сказать и о теоретической подкладке этого выступления — как минимум сомнительной. Ведь ею является уже не просто чрезвычайно широкое, а прямо-таки безграничное понятие о злоупотреблении правом. Всё, что по каким-нибудь причинам не нравится российским арбитражным судам (читай: конкретным судьям), стало злоупотреблением правом. С таким трендом не нужен и Гражданский кодекс; вернее, его достаточно урезать до одной статьи — нынешней 10-й. Предостережения И.А. Покровского насчет тех последствий, к которым может привести столь беспредельная свобода судейского усмотрения, сомнения М.М. Агаркова насчет возможности существования такого понятия, как злоупотребление правом, концепция В.П. Грибанова, хотя и признававшего данный институт, но лишь как совершенно исключительный, подлежащий применению с чрезвычайной осторожностью и только в самых крайних случаях, сегодня оказались напрочь забыты. Результат — практика применения законодательства теперь уже не просто отходит все дальше и дальше от содержания этого самого законодательства, такой практике дан зеленый свет, она благословлена одним из самых высоких авторитетов сов-

ременной юридической России. Тем, который призывает неразумных российских подданных одуматься и возвратиться в лоно российской юрисдикции. Да с какой же стати им туда возвращаться, если практика применения ст. 10 ГК РФ уже и так не позволяет частным лицам рассчитывать ни на прочность, ни даже на простую определенность своего правового положения?! Грустно.

Второе событие — гибель законопроекта о внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс РФ, с легкой руки прессы именовавшегося (за свой беспрецедентный объем) новым Гражданским кодексом. Существует, конечно, множество примеров законопроектов, брошенных, забытых, принятых, было, депутатами, а затем оставленных без продвижения. Но такого, чтобы законопроект, принятый в первом чтении, не дожил до второго по причине большого числа внесенных к нему поправок, т.е. не из-за отсутствия внимания, а, наоборот, из-за повышенного интереса к нему, если мне не изменяет память, прежде не бывало. Законопроект разрушили поправками. Конечно, в нескольких строках и даже абзацах невозможно проанализировать, были эти поправки обоснованны или беспочвенны, но показательно само событие: Государственная Дума принимает **такой** законопроект, который вызывает **такое** общественное противостояние и противодействие. И даже если каких-то авторов многочисленных поправок, которыми бомбардировался законопроект, где-то и занесло, этому есть простое и понятное объяснение. Возмущение и содержанием законопроекта (то ли римским, то ли иностранным, то ли метафизическим, но уж никак не современным и не российским), и позицией, с которой он написан (вместо свободы воли и частной инициативы — жесткие рамки разрешений и запретов, вместо юридического равенства — приоритет то ли государства, то ли «среднего человека», вместо неприкосновенности частнопредпринимательской сферы — судебский произвол), и тем патерналистским, покровительственным, снисходительным, менторским тоном, которым он написан.

Девятый вал поправок — вопль тех, кому в недалеком будущем предстоит жить по измененному и дополненному Кодексу. Он может быть переведен на человеческий язык так: «Дорогие депутаты и почтенные разработчики законопроекта! Пожалуйста, не думайте, что только вы одни знаете, каким может и каким должно быть гражданское право современной России! Мы тоже знаем это, причем не хуже, а лучше вас! Прежде всего потому, что мы — именно мы — живем по этому самому гражданскому праву, в то время как вас, дорогие депутаты, больше волнует исполнение руководящих указаний ваших партий, а вас, почтенные разработчики, — чистота ваших доктрин, точек зрения и позиций, высказанных в учебниках, монографиях, статьях и диссертациях. Но именно **нашими** усилиями, в **наших** интересах и за **наш** счет реализуются нормы и работают институты гражданского права, а потому, извините, **нам** — **именно нам** — принадлежит право **решающего** голоса в вопросе о том, какими эти нормы должны быть».

Если так пойдет и дальше, наверное, можно будет начать надеяться на что-то позитивное.

Дмитрий Степанов,

партнер Адвокатского бюро
«Егоров, Пугинский, Афанасьев
и партнеры», адвокат,
кандидат юридических наук

— Главное событие уходящего года, на мой взгляд, увы, носит, негативный характер. Негативный в том смысле, что его не произошло. Речь идет о непринятии новой версии ГК РФ. Жаль, что этого не случилось в уходящем году, хотя, казалось бы, еще чуть-чуть и новая редакция ГК будет, наконец, принята Госдумой. Два обстоятельства указывают на то, насколько фундаментальное значение имеет подобное «событие» как некий символ происходящих в последнее время политико-правовых процессов, собственно, почему я его отметил.

Первое. Очевидно, что развитие частного права в настоящий момент не относится к приоритетам государственной политики. Российское государство волнует скорее публичное право, особенно всё, что связано с участием в публичной политике граждан, социальная сфера, в чуть меньшей степени — административное и уголовное законодательство, но не гражданское право и даже не законодательство об экономической деятельности. Поскольку приоритеты государства иные, можно констатировать, что сегодня какой-либо внятной и последовательной политики по развитию российского частного права, к сожалению, нет. Точнее, есть набор различных программ, концепций, о которых обычно знают только их разработчики, лозунгов, озвучиваемых отдельными политиками и чиновниками, но политики права, т.е. однажды избранного и провозглашенного курса по развитию и совершенствованию российского частного права, до сих пор нет.

В отсутствие, как это модно сейчас говорить, дорожной карты, проработанной и принятой умом и сердцем позитивной программы движения экономического законодательства, судьба реформы ГК незавидна. Нас ждет либо наспех принятый проект, который в течение последующих нескольких лет будет многократно подправляться, либо его будут постоянно откладывать, принимать незначительные поправки (как те, что одобрены в декабре) и в итоге через несколько лет появится совершенно беззубый закон, являющийся итогом сотен компромиссов, а потому принципиально ничего не меняющий в регулировании.

Второе. В самом начале реформы ГК многие бизнесмены, вроде бы свикшиеся с существующим законодательством, юристы, особенно иностранные, привыкшие, что у них подобные реформы идут в среднем 10—15 лет, вопрошали: для чего вообще затевается подобная реформа, коль скоро российский ГК недавно лишь прошел пубертатный период. Российские судьи, так часто взывающие к разуму законодателя взять, наконец, тайм-аут в реформировании гражданско-правовых законов, тоже недоумевали, зачем затевать подобную реформу — с действующим законодательством совладать бы. Про практикующих юристов и говорить нечего: нас вроде бы и спрашивать незачем.

Однако эффект от реформы уже есть, причем довольно позитивный именно для развития частного права в России. Когда открылась возможность обсуждать принципиальные основы нашего юридического мироздания, оказалось, что в обществе — а это не только профессиональное юридическое сообщество, но и сектор НКО, организации инвалидов, церковь, госкомпании, интернет-бизнес, организации правообладателей и многие другие группы

влияния и «кружки по интересам» — есть великое разнообразие точек зрения по тем или иным регулятивным проблемам. Разработчики первоначальной версии поправок в ГК, сами, возможно, того не осознавая, открыли путь для пересмотра того, что ранее не подлежало обсуждению в принципе.

Подобный импульс совпал с запросом юридического сообщества на модернизацию коммерческого права, вследствие этого ящик Пандоры вольнодумства, диаметрально противоположных ценностных позиций, а порой банального лоббизма и откровенной юридической глупости был открыт. Более того, сами же разработчики первоначальной версии ГК потеряли контроль над процессом, и он стал неуправляемым. Многие прежде незыблемые догмы в действующем тексте ГК стали подвергаться смысловой эрозии. В результате можно говорить о том, что «монополии на истину» в сфере частного права теперь нет ни у кого. Если она раньше и была, то прошедший год-два подтвердил ее утрату. Пора отходить от элитизма в праве: безусловно, нельзя допускать глупцов до написания законов. Нужен тот самый «архитектурный авторский надзор», позволяющий экспертам в области политики права удерживать системность развития законодательства, но чрезвычайно опасна утрата связи с экономической реальностью группы мудрецов, даже если вокруг одни профаны.

Попытка продвигать идеи, не находящие поддержки у различных потребителей права (бизнес, профессиональные сообщества, группы граждан, объединенные общим интересом, регуляторы), очевидно, обречена на провал. Соответственно, любые новшества в частном праве, чтобы иметь шансы быть принятыми обществом (а не только изложенными на бумаге, даже если это Собрание законодательства РФ), должны быть не только правильными для тех, кто их разрабатывает, но главным образом разумными в глазах их будущих потребителей.

В общем, думаю, большой трагедии с непринятием ГК в этом году не произошло. Да, есть некоторая грусть, особенно за блоки, прошедшие наибольшую шлифовку (общие положения об обязательствах, обеспечительные сделки, корпоративное право) и так сильно ожидавшиеся практикующими юристами, но, как говорится, всё, что ни делается, — всё к лучшему. В свете недавних тезисов руководства государства о необходимости применять в регулировании экономической активности скорее пряник, чем кнут, при этом исправлять свои собственные недоработки в нормотворчестве и в практике применения законов, преодолеть бегство хозяйствующих субъектов из российской юрисдикции, я смотрю на ближайшее будущее позитивно. Будем надеяться, что в итоге мы будем иметь и ГК, и многие другие частноправовые законы, намного лучшие, чем они могли бы быть в уходящем году.

Григорий Чернышов,

партнер международной
юридической фирмы
White & Case, адвокат

— Я бы не стал выделять какое-то одно событие в качестве главного в уходящем году. Вряд ли таким событием можно считать принятие какого-либо закона (хотя их у нас принимается немало), поскольку в России традиционно слишком долгий путь от принятия закона до его эффективного применения. Исключением здесь, пожалуй, мог бы стать новый Гражданский кодекс, но он еще не принят и есть у меня ощущение, что все острые вещи из окончательной редакции уйдут, если она вообще будет принята в обозримом будущем.

Действительно важной в уходящем году была планомерная и очень эффективная работа ВАС по формированию единообразной судебной практики.

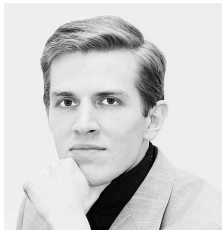
ВАС наконец-то нашел в себе силы для формулирования концепции снятия корпоративной вуали. Пусть это сделано пока на одном узком примере, но начало, будем надеяться, положено. Нам давно уже нужна эта концепция, так как злоупотребления институтом юридического лица в практике ведения бизнеса у нас столь откровенны, что без этой концепции бороться с ними сложно.

Также чрезвычайно важно формулирование вывода о возможности перераспределения бремени доказывания в случае установления недобросовестности лица. Здесь еще много о чем предстоит дискутировать, но смелое и правильное начало положено нашим высшим судом.

Нельзя не отметить и явно наметившуюся тенденцию по формированию стандартов доказывания в арбитражном процессе. Здесь тоже еще много над чем предстоит работать. Но сейчас уже очевидно, что если одно лицо представило доказательства какого-либо события и сделало на основании этого вывод о том, как развивались события в дальнейшем, то другое лицо не может эффективно защищаться, утверждая только лишь, что отсутствует подтверждение сделанных выводов. Теперь стороне необходимо представлять иные позитивные доказательства, которые установили бы ошибочность названных выводов. Это изменение чрезвычайно важно для практики.

Если решение о переезде высших судов в Санкт-Петербург действительно принято и его можно отнести к событиям уходящего года, я бы отметил его в качестве одного из самых важных, поскольку за переездом, скорее всего, последует обновление судебного корпуса высших судов, что, конечно же, окажет сильное влияние на практику.

Вообще, мне кажется, что год оказался весьма спокойным и сдержанным в смысле перемен в правовом поле. Что, наверное, весьма хорошо. Главным событием явились лишь выборы Президента. Будем надеяться, что повсеместно критикуемый пакет неоднозначных законов, так или иначе связанных с этими выборами, будет подвергнут корректировке в практике либо в процессе дальнейшего реформирования законодательства. В противном случае инвестиционный климат в стране может весьма ощутимо пострадать.

Александр Верещагин,

доктор права Эссекского
университета

— На данный момент год еще не закончился и нельзя поручиться, что ничего важного не произойдет до его окончания, например на съезде судей в конце декабря. С этой оговоркой я признал бы наиболее важным событием вступление России в ВТО. Как именно оно повлияет на изменение российского правового поля, мы еще увидим, но уже сейчас нет сомнений, что повлияет очень существенно.

А среди наиболее знаковых событий я отметил бы два: скоропалительное принятие Государственной Думой серии законов, направленных на подавление оппозиционной активности, и объявленный перевод двух высших судов в Санкт-Петербург. Оба события подчеркивают и закрепляют приниженное, подчиненное положение законодательной и судебной ветвей власти по сравнению с властью исполнительной и президентской. В частности, перевод судов в Петербург означает повышение статуса Северной столицы ценой понижения статуса высших судебных инстанций. При этом неизбежно пострадает и качество правосудия, однако эта цена, по-видимому, не считается чрезмерной, что само по себе говорит о многом.

Юрий Пилипенко,

управляющий партнер Московской
коллегии адвокатов «Юридическая
фирма „ЮСТ“», вице-президент
Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации,
доктор юридических наук

— Выборы Президента РФ, состоявшиеся в марте 2012 г., — самое важное фактическое и юридическое событие, определившее все остальные.

Комментарии пользователей портала *Zakon.ru*

Александр Латыев,

руководитель практики
Группы правовых компаний
ИНТЕЛЛЕКТ-С, доцент кафедры
предпринимательского права
УрГЮА, кандидат юридических наук

— С моей цивилистической колокольни главным событием года стало отсутствие события, а именно непринятие в этом году изменений в ГК, как минимум в том объеме, в котором они первоначально планировались. Положительное это событие или нет — судить сложно. С одной стороны, принимать проект изменений в том виде, в котором он предлагался, было нельзя. С другой стороны, оставлять гражданское законодательство в unreformed виде тоже весьма и весьма нежелательно. Более того, произошедшее раздробление проекта грозит появлением в будущем трудноустраняемых концептуальных противоречий. В любом случае положительным моментом явились развернувшееся в этом году широкое обсуждение проекта и пробуждение цивилистической мысли ото сна отвлеченных теоретических материй.

Все остальное, в том числе невиданный размах правотворческой деятельности высших судов (в которую включился даже традиционно консервативный Верховный Суд), — это лишь мазки на общем холсте планируемой реформы гражданского законодательства.